

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-20-32>

УДК 008:316.7

ББК 71.1

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Б.Л. Шапиро

г. Москва, Россия

ОТ ТЕКСТА К ПОДТЕКСТУ.
СОСЛОВНО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРЕДМЕТНАЯ ДЕТАЛЬ
В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ДУШЕЧКА»

Аннотация: Известно, что в произведениях А.П. Чехова нет случайных или ненужных деталей, существующих вне авторского художественно-образного мира. Высокая смысловая нагрузка предметной детали характерна для русской литературы перелома XIX–XX вв. вообще, но именно чеховский текст, насыщенный «говорящими» подробностями, предельно далек от формального бытописания. Особенно характерны в этом отношении произведения А.П. Чехова, относящиеся к позднему периоду (1895–1904). На примере одного из поздних чеховских рассказов («Душечка», 1898) продемонстрировано, каким образом выявление подтекста, выраженного в предметной детали, приводит к углублению понимания смысла всего художественного текста. Вопрос изучается в тесной связи с культурно-историческим процессом. Основной метод исследования — постижение конкретного через абстрактное, предполагающее последовательный переход от общего знания к более полному и целостному в процессе реконструкции предполагаемой реальности. Итогом исследования стал воссозданный предметный чеховский мир — мир русской городской провинциальной культуры, отдельные проявления которой (в данном случае — прежде всего ее сословно-социальные контексты) вступают между собой в рассказах Чехова в заочный диалог, в очередной раз демонстрируя многоуровневую модель русской культуры.

Ключевые слова: Чехов, чеховиана, методология изучения культуры, городская культура, мещанская культура, дворянская культура, история материальной культуры.

Информация об авторе: Бэлла Львовна Шапиро — доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия; профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Школы-студии (института) им. Вл.И. Немировича-Данченко при Московском Художественном академическом театре им. А.П. Чехова, Тверская ул., д. 6, стр. 7, 125009 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5616-8898>

E-mail: b.shapiro@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.06.2024

Дата одобрения рецензентами: 31.03.2025

Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: Шапиро Б.Л. От текста к подтексту. Предметная деталь в рассказе А.П. Чехова «Душечка» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 20–32. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-20-32>

Постановка проблемы. Литературное произведение как художественный концепт авторской индивидуальной картины мира изображает действительность в предметном мире как совокупности конкретных вещно-предметных форм, воплощенных в слове. Степень выразительности этих вещеориентированных форм различна «в прозе и поэзии, в литературе разных эпох, у писателей различных литературных направлений» [21, с. 94]. Предметный мир художественного слова в отечественной культурологической мысли (в отличие от филологии) все еще малоисследован; гораздо лучше, согласно сложившейся традиции, изучены повествование, сюжет и герой литературного произведения. Это неудивительно, если принять во внимания отсутствие даже «сколько-нибудь устоявшегося обозначения подобного обобщенного объекта. Его называют миром вещей, предметным миром, второй природой, предметной средой, материальной культурой <...> и т.п. <...> причем каждое из приведенных понятий имеет свои нюансы и свои более широкие смыслы» [10, с. 4]. Сложившаяся ситуация меняется мало, несмотря на давно сформулированное определение предметного мира (дано в литературной энциклопедии, опубликованной под грифом Института научной информации по общественным наукам РАН в 2001 г. [30]).

Особняком в отношении данных научных вопросов стоят произведения А.П. Чехова, как наиболее сложные для исследования вообще, в силу своих новаторских качеств, а также и по другим причинам, которые уже неоднократно обсуждались чеховедами [17, с. 204]. Сказанное справедливо и в отношении целостного анализа всего художественного мира писателя, и в отношении анализа одного только лишь его предметного мира. Высокая смысловая нагрузка предметной детали характерна для русской литературы перелома XIX–XX вв. вообще (и для русской прозы в целом, начиная с Н.В. Гоголя и его современников; в русской поэзии это явление сформировалось еще раньше, с В.А. Жуковского [30, с. 797]), но именно чеховский текст, насыщенный «говорящими» подробностями, предельно далек от формального бытописания.

Известно, что в произведениях Чехова нет случайных или ненужных деталей, существующих вне авторского художественно-образного мира. «Мысли автора <...> заняты совершенными мелочами», — меж тем, именно такотреагировали современники на чеховскую манеру перемежать мысли философского плана бытовыми рассуждениями [20, с. 159]. Однако именно Чехов возбудил общественный и профессиональный интерес к предметной детали, сделал ее «говорящей», способной заменить громоздкие описания, биографии и характеристики. Критиками была отмечена и значимость символического подтекста чеховского текста, и его своеобразная форма воплощения [8, с. 96], поскольку именно «в возможности одной-двумя черточками воссоздавать явление в его целостности и заключена сила детали» [6, с. 372]. Подобный авторский подход способствовал сокращению физического объема рассказа без потери его смыслового содержания.

Важно отметить, что художественный язык писателя значительно менялся вместе с развитием его творчества; особенно выразительна чеховская предметная деталь

позднего, третьего периода (1895–1903) [20, с. 88]. Именно в это время она перерастает узко прикладные цели: каждая новая фраза, новая «укрупненная» подробность, принимая на себя акцентированную роль, значительно проясняет личность героя [20, с. 142, 144]. Предметная детализация как авторский инструмент поднимается до уровня искусства извлекать из быта бытие. Деталь при этом гипертрофирована, но будто бы необязательна, случайна. Но так ли это?

Полемика (степень разработанности проблемы). Уже во второй половине XX в. сложился значительный массив трудов, посвященный особенностям предметной детали в произведениях А.П. Чехова. В его основе лежат фундаментальные исследования в этой области, прежде всего, А.П. Чудакова и В.И. Тютю [19, 20, 21, 33]; они дополняются работами более частного характера [18]. Однако, как ни велики объем и значение уже проделанной чеховедческой работы, в отношении изучения предметной детали она не может быть признана завершенной. Это было верно замечено литературоведом Г.П. Бердниковым более полувека назад [1], но актуально и в наши дни.

Среди всего огромного массива современных чеховедческих исследований есть немало работ, посвященных анализу языка и стиля писателя, включая научно-справочные материалы [34, 37]. Но работ, которые обращаются к предметной детали чеховского рассказа, предметному тезаурусу (и, особенно, позднего рассказа) кратко меньше [7, 8]. Так, в уже упомянутой энциклопедической статье «Предметный мир» (2001), довольно обширной самой по себе, чеховской предметной детали отдано ровно три строчки; вопрос обсуждается лишь в контексте особого внимания писателя к социально-бытовой сфере [30, с. 796–797].

«Душечка» А.П. Чехова: историческая полемика и полемика в рамках построения современной теории предметной культуры. Обратимся к одному из самых художественно совершенных из поздних чеховских рассказов [5, с. 234] — к «Душечке», написанной в конце 1898 г. (впервые опубликована 03.01.1899). Рассказ представляет авторскую версию древнего аллегорического сюжета об Амуре и Психее, о божестве любви и о человеческой душе [33, с. 60–61]. Неудивительно, что он принадлежит к числу наиболее активно читаемых и комментируемых произведений Чехова [12, с. 117].

Полемика вокруг «Душечки» развернулась сразу же после опубликования [33, с. 59, 125] и до сих пор не иссякла. Мнения о главной героине, чью судьбу называли типично женской для эпохи [36, т. 10, с. 409], изначально были резко противоположны: восторженность соседствовала с критическим отношением, недоумением или непониманием [36, т. 10, с. 408–409]. Скептическую сторону представлял М. Горький, а также сподвижник Л.Н. Толстого — редактор и издатель И.И. Горбунов-Посадов [36, т. 10, с. 409–413]. Другую, восхищенную сторону, представлял И.А. Бунин и, особенно, Л.Н. Толстой, назвавший «Душечку» своим любимым чеховским рассказом и опубликовавший (впервые в сборнике «Круг чтения», 1905) к нему свое «Послесловие» [32]. «Душечка» также получила высокую оценку режиссера В.И. Немировича-Данченко, историка В.О. Ключевского и других профессоров Московского университета. И позже находились чеховеды, ставившие в центр своего исследовательского интереса главную героиню «Душечки» [12], эту «бедную маленькую Психею Цыганской Слободки, скитающуюся в поисках исчезнувшего Эрота» [5, с. 237].

Сегодня представляется необходимым еще одно обращение к этому рассказу, прежде всего для выявления новых аспектов осмысления. Это становится возможным, если мы сместим угол зрения с исторического подхода, предлагающего прежде

всего описание фактов, событий и их взаимосвязей, в сторону подхода культурологического — культурологической рефлексии, основным рабочим инструментом которой является интерпретация исторических фактов, событий и их взаимосвязей. Тем более, что современное состояние теории предметной культуры (термин введен философом М.А. Коськовым еще в 2004 г. [10, с. 5]) позволяет продемонстрировать, каким образом выявление подтекста, выраженного в предметной детали, приводит к углублению понимания смысла всего художественного текста.

Предметная деталь в «Душечке».

Предметное пространство: в уездном городе N. Как известно, к области предметной детализации сегодня относят собственно предмет (вещь), портрет и пространство их бытования. Чеховское пространство обыкновенно обозначают как «уездный город N». Но так ли это, когда речь пойдет о «Душечке»?

Самой характерной деталью, которая позволяет установить возможное место действия максимально точно, является наличие в городе, где живет Душечка—Оленька Племянникова, одновременно двух учебных заведений: мужской гимназии (где учится девятилетний сын ветеринара Саша) и женской прогимназии (где училась Оленька в свои детские годы). Городов, где в последние годы XIX в. имелись гимназии, было не так много. Число гимназий Министерства народного просвещения в России конца XIX в. было столь невелико, что список их, вместе со списком прогимназий, а также с указанием места расположения и стоимости обучения, включая стоимость обучения в приготовительном классе, умещался на полтора страницах печатного текста (данные приводятся на 1887 г. [4, с. 7–8]; но стоит отметить, что уже в начале XX в. положение изменилось в лучшую сторону). Частная гимназия в России в те годы считалась огромной редкостью: на 1892 г. во всей России их существовало лишь пять [13, с. 4].

Гимназии располагались в большинстве губернских городов (административных центрах губерний) и в немногих уездных городах; важно отметить, что наличие гимназии в уездном городе было скорее исключением, которое только подтверждало общее правило (см., например, елецкий образовательный феномен, явившийся следствием необыкновенного для уездного города количества образовательных учреждений). Волостные центры (села) располагали лишь церковно-приходскими, земскими, сельскими школами.

В контексте «Душечки» нас интересуют прежде всего гимназии юга Европейской части Российской империи, где цыгане составляли неотъемлемую часть городской культуры (дом Племянниковых стоял в Цыганской Слободке [36, т. 10, с. 103]). В этом регионе имелся лишь один уездный город, в 1880–1890 гг. располагавший и мужской гимназией, и женской прогимназией одновременно. Это Белгород [27, с. 50, 59]. Чехов бывал в Белгороде, хорошо знал его социокультурную специфику.

Но Белгород ли описан Чеховым? Оленька живет на окраине, в некотором отдалении от городского центра: «донесет ли ветер звон соборных колоколов», — замечает Чехов [36, т. 10, с. 110]. Тут же проходит городское стадо («по улице гнали городское стадо и весь двор наполнился облаками пыли» [36, т. 10, с. 110]), неподалеку располагался лесной склад. Однако в уездном городе дом «вашего высокоблагородия» коллежского асессора стоял бы не на городских задворках, а на одной из центральных улиц, или даже на главной улице — той, что вела к губернской столице. Расселение горожан имело выраженную профессиональную и социально-экономическую направленность, сложившуюся исторически.

Губернские города юга Европейской части Российской империи, имеющие и мужскую гимназию, и женскую прогимназию — это Курск и Воронеж [27, с. 19, 22; 28, с. 23, 27], удаленные друг от друга на 200 км. Оба города были хорошо известны Чехову, и оба города, помимо указанных учреждений образования, также имели упомянутые в чеховском рассказе:

местную прессу (тогда как уездный Белгород местной прессы не имел до 1902 г.; и в целом уездная пресса в России XIX в. была представлена весьма фрагментарно) [24, с. 443, 452, 471],

досуговые учреждения — городской цирк с театрами, стационарными и летними, клуб (дворянский клуб, который посещает ветеринар),

удобное железнодорожное сообщение с Москвой и Харьковом.

Оба города расположены в относительной близости и от Брянска (откуда раз в два года приезжала с визитом тетя Оленьки [36, т. 10, с. 103]), и от Могилевской губернии (куда регулярно ездил управляющий лесным складом Пустовалов [36, т. 10, с. 107]). Но только в г. Курске имелась (и имеется в настоящее время) реально существующая местность под названием Цыганский бугор — исторический район города, его юго-восточная окраина (предместье) на высоком правом берегу реки Кривец («на бугре»), отделенная от центральной части города Стрелецкой и Очаковской слободами и рекой Тускарь. Наиболее активно этот район развивался в конце XIX в., когда курская городская управа начала сдавать нарезанные усадебные места в аренду [23], о чем упоминает и Чехов:

Город мало-помалу расширялся во все стороны; Цыганскую Слободку уже называли улицей, и там, где были сад «Тиволи» и лесные склады, выросли уже дома и образовался ряд переулков. Как быстро бежит время! [36, т. 10, с. 110].

Немаловажно, что Курская губерния во второй половине XIX – начале XX в. была типичным образцом русской провинции [3, с. 225]; по совокупности множества факторов можно предположить, что именно она послужила прообразом пространства, в которое Чехов поместил действие «Душечки».

Портретно-предметный мир «Душечки».

Коллежский асессор Семен Племянников. Переходя к анализу предметной детали, представленной в портретах действующих лиц, согласимся с мыслью, высказанной ранее чеховедом В.И. Тюпой: основополагающая характеристика главной героини рассказа — она дочь [33, с. 63]. «Оленька, дочь отставного коллежского асессора Племянникова, сидела у себя во дворе на крылечке...», — не случайно именно с этих слов начинается рассказ [36, т. 10, с. 102].

Со слов самого Чехова об отце Оленьки мы знаем немного. Семен Племянников — отставной коллежский асессор, записавший свой дом с флигелем и садиком на дочь. В начале действия он «сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал» [36, т. 10, с. 103], в его конце (временная протяженность рассказа составляет не более 15 лет) — «давно уже умер, и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки» [36, т. 10, с. 109]. Ничего, кроме этого, автор не счел нужным сообщить читателю. Но что стоит за этими скупыми строками?

По своему сословному положению отец Оленьки принадлежал к личному дворянству, т.е. не имел права передачи звания по наследству. Российское дворянское сословие исторически было весьма неоднородно по своему материальному положе-

нию; не случайно министр просвещения К.А. Ливен писал еще в начале XIX столетия: «линия дворянского сословия столь необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется» [9, с. 23].

Материальное положение дворян было различно, но образовательный уровень в этой среде традиционно был весьма высоким. Он и обусловил выделение дворянской интеллигенции внутри самого сословия; традиционным поприщем дворянства была военная или гражданская служба. Карьера коллежского асессора (это гражданский чин VIII класса «Табели о рангах») — гражданская, чиновничья: чин позволял Племянникову занимать должности не выше секретаря канцелярского делопроизводителя или столоначальника. «Канцелярский столп, некоторым образом», — так характеризует Чехов в своем рассказе «Оратор» (1886) еще одного коллежского асессора, Кирилла Вавилонова [36, т. 5. с. 431]). Карьерные высоты были доступны коллежскому асессору лишь в их провинциальном варианте [22, с. 142].

Общих принципов поступления на гражданскую службу было два: по праву происхождения и/или по праву образования. Производству в чин VIII класса подлежали лишь имеющие университетское образование (либо, много реже, выдержавшие специальный экзамен): на иных условиях чин коллежского асессора получить было нельзя [22, с. 120; 33, с. 108]. К концу XIX в. в городах Курской губернии проживали 775 человек, получивших высшее образование [3, с. 225], Семен Племянников был одним из них.

Важно заметить, что, несмотря на неплохую должность и обращение «ваше высокоблагородие» (общедворянский титул), коллежский асессор, особенно в провинции, получал достаточно скромное жалованье. Неудовлетворительное материальное положение госслужащих нижних чинов уже привлекало внимание Чехова: так, главный герой рассказа «Толстый и тонкий» (1883) коллежский асессор Порфирий, награжденный орденом св. Станислава, подрабатывал изготовлением дешевых деревянных портсигаров, а его жена была вынуждена давать уроки музыки [36, т. 2, с. 251]. Это так называемая «нищета во фраке»; не случайно Чехова называют продолжателем темы «маленького человека», сквозной для русской литературы.

Возвращаясь к судьбе Племянникова, отметим: важно не только то, что говорит Чехов. Не менее важно то, что он не говорит. Положенный за выслугу лет коллежскому асессору орден св. Станислава 3-й степени Чехов в тексте «Душечки» не упоминает; однако, сообщает, что Племянников долгое время был тяжело болен. Можно предположить, что он занимал должность, положенную чиновнику VIII класса весьма недолго, ушел в отставку по болезни и ордена за выслугу лет не получил. Вместе с тем закончилось и благополучие семьи Племянниковых.

Оленька Племянникова — «Душечка». От отца Оленьки пора перейти к ней самой. Согласно дореволюционному российскому законодательству, личный дворянин, награжденный орденами, имел возможность передать своим законнорожденным детям права почетного гражданства. Соответственно, Оленька не могла претендовать на это состояние [2, с. 34] и была обыкновенной горожанкой. Горожане (так называемое городское сословие) к концу XIX — началу XX в. в провинциальных среднеразвитых городах были самым массовым сословием.

По своему материальному положению главная героиня «Душечки» была близка к описанному Н.Г. Чернышевским в романе «Что делать» (1863) городскому большинству, которое жило «по мещанскому званию, достаточно, то есть его семейство имело щи с мясом не по одним воскресеньям и даже пило чай каждый день» [35, с. 49]. Чехов приводит в «Душечке» весьма красноречивое описание пищевого изобилия —

конечно же, изобилия лишь в понимании Оленьки: «дома пили чай со сдобным хлебом и с разными вареньями, потом кушали пирог. Каждый день в полдень во дворе и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни — рыбой, и мимо ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть. В конторе всегда кипел самовар, и покупателей угощали чаем с бубликами» [36, т. 10, с. 107]. Важно отметить, что таковое наступает в ее жизни лишь однажды, во время второго замужества за торговцем Пустоваловым. Гипертрофированные подробности здесь не только не случайны, они еще и чрезвычайно красноречивы [33, с. 63].

Несмотря на относительно сытую жизнь, материальное благосостояние Оленьки складывалось лишь из сдачи внаем флигеля (в Курске стоимость найма малой квартиры на рубеже XIX–XX вв. составляла около 200 р. в год) [25, с. 257–258]. Это позволяло ей содержание одной только кухарки (в Курске рубежа XIX–XX вв. плата прислуге женского пола за неквалифицированный труд составляла около 50 р. в год) [25, с. 264–265], что вынуждало ее заниматься домашним хозяйством наравне со своей помощницей («ходила за провизией на базар со своей кухаркой») [36, т. 10, с. 108].

Имея лишь прогимназическое (неполное среднее в объеме 3 или 4 низших гимназических классов) образование, она немногим отличалась от большинства провинциальных горожанок и по образовательному цензу, поскольку женское прогимназическое образование в те годы по своей сути было близко к начальному. По данным всеобщей переписи 1897 г., из почти 14 тыс. жительниц Курска (не дворянок) среднее образование получили лишь 880 человек [29, с. 62–63].

Женское и мужское образование сильно различалось, что обуславливалось требованиями, предъявляемыми социумом к мужчинам и женщинам. Резкий количественный рост женских образовательных учреждений после принятия «Положения о женских гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения» (1870) [31, с. 3] сопровождался закономерным снижением образовательного уровня учителей. В октябре 1882 г. открылась первая Курская женская прогимназия, спустя год — вторая [3, с. 226]. Оленька, очевидно, была в числе учениц первого-второго набора.

Обыкновенно лучшие преподавательские кадры выбирали своим местом работы не прогимназии, а классические гимназии с полным курсом или университеты. Учителями в женских прогимназиях были, как правило, лица без высшего образования, чаще всего — окончившие 8-й педагогический класс гимназии со званием домашнего учителя (учительницы) с правом преподавания только одного предмета. Не были редкостью в педагогических коллективах прогимназий и недоучившиеся гимназисты. Но и для них преподавательская деятельность была далеко не главной: низкая оплата труда обуславливала необходимость подработок в виде административной и воспитательной работы, которая, к тому же, на уровне учебного заведения считалась приоритетной. Качество образования страдало и из-за недостаточности финансирования. Мужские гимназии и прогимназии находились на государственном содержании, но женские существовали в основном за счет местных бюджетов, общественных (городских, земских) и частных пожертвований, меценатства. Лишь в 4% случаев женские прогимназии имели бюджет равный бюджету мужских прогимназий, а 64% владели жалким существованием на минимально возможные суммы, что негативно влияло на учебный и воспитательный процесс [26, с. 20; 31, с. 5–6, 196, 198].

Преподавание имело ярко выраженное религиозно-ориентированное и прикладное направление: упор делался на закон Божий и на рукоделие, необходимое для ведения женщиной домашнего хозяйства [31, с. 30]. Даже при изучении основ математики

и физики от учителя требовалось «присовокуплять сведения, относящиеся к домашнему хозяйству» [11, с. 49]. Иностранные языки преподавались девочкам только во внеурочное время, с приходящими учителями и за отдельную плату [31, с. 33]. Неудивительно, что Оленька, «когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка» [36, т. 10, с. 103], возможно, в те годы единственного мужчину в ее окружении, помимо отца и священника-законоучителя (учителя Закона Божьего): педагогический состав женских прогимназий был в основном женским, т. к. женский учительский труд был дешевле мужского.

В общих чертах женская провинциальная прогимназия копировала столичную модель, но с учетом специфики региона: в аграрных губерниях (Курская губерния относилась к их числу [3, с. 222]) учебный год был укороченным, что усугубляло недостаточность и некачественность женского прогимназического образования.

Большинство учащихся женских прогимназий (по данным на 1894 г. свыше 55%) были небогатыми представительницами городского сословия [14, с. 661]: для большинства из них неполного среднего образования было достаточно и для семейной жизни, и для профессиональной деятельности. Девочки из состоятельных провинциальных семей могли обучаться в столичных гимназиях, в закрытых частных пансионах, малодоступных для лиц среднего достатка, или у домашних учителей. Прогимназическое образование не соответствовало их высокому социальному статусу.

Отец Оленьки, как человек образованный, не мог не осознавать вышесказанного. Почему же его дочь не получила полного среднего образования, обыкновенного для дворянских детей? Главной причиной, по всей вероятности, нужно назвать специфическое отношение прогрессивного общества к женскому образованию в период, на который приходится творчество А.П. Чехова. Его резкая критика особенно проявилась после 1859 г., когда первые студентки стали посещать лекции в университетах; критика была далеко не беспочвенной [15, с. 3]. Развернулась горячая полемика о перспективах женского образования. Многие считали, что образование отчуждает женщин и от семьи, и от социума, а взамен дает лишь поверхностное увлечение наукой [16, с. 152], поскольку «большинство увлекается не столько научными занятиями, сколько ложным стремлением и желанием выйти <...> из своей среды, оставить обыденные обязанности и добиться прав, едва ли соответствующих призванию женщины» (из доклада министра народного просвещения графа И.Д. Делянова (1885) [14, с. 659]. «Обнаружилось стремление женщины к высшему и основательному образованию. Это стремление <...> приняло все черты болезненного увлечения, потому что оно совпадает с аномальным состоянием семейства и общества <...> нельзя давать ему полную свободу <...> Ныне все мысли, все чувства [юного женского поколения] поставлены на фальшивую почву», — соглашалась баронесса Э.Ф. Раден (1884), чей голос в области так называемого «женского вопроса» был весьма влиятельным [26, с. 21–22]. Таким образом, прогрессивные взгляды Семена Племянникова оставляли Оленьке лишь традиционно женскую социальную деятельность в качестве хранительницы домашнего очага. С тонкой грустью Чехов показывает нам итоги этого подхода.

Выводы. Можно утверждать, что в чеховской «Душечке» получила свое эволюционное развитие традиционная для русской культуры мысль о «маленьком человеке». Здесь она ведется на вполне конкретном культурно-историческом фоне: главная героиня — дочь небогатого провинциального чиновника, имеющего, на ее беду, специфически прогрессивные взгляды в отношении так называемого «женского вопроса». Анализ авторской предметной детали этого рассказа (в данном случае — только некоторых,

избранных ее форм, таких как предметное пространство и портретно-предметный мир) показывает, каким образом выявление подтекста, выраженного в ней, приводит к углублению понимания смысла всего художественного текста.

Завершая анализ, в очередной раз согласимся с чеховедом А.П. Чудаковым, утверждавшим, что «предметный мир, которым окружен персонаж <...> служит безотказным и целенаправленным средством характеристики человека. Все без исключения подробности имеют характерологическую и социальную значимость» [20, с. 139]. Внутреннее у Чехова всегда тесно связано с внешне-предметным, и предметная деталь всегда стоит в особом месте, специально подготовленном для нее. Итогом исследования стал воссозданный предметный чеховский мир — мир русской городской провинциальной культуры, отдельные проявления которой, рассмотренные в сословно-социальных контекстах, вступают между собой в заочный диалог, в очередной раз демонстрируя многоуровневую модель русской культуры.

Список литературы

Исследования

- 1 Бердников Г.П. О поэтике Чехова и принципах ее исследования // Вопросы литературы. 1972. № 5. С. 124–141.
- 2 Веременико В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2015. 204 с.
- 3 Ветчинова М.Н. Женское гимназическое образование в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 222–235.
- 4 Горбунов П.Е. Классические гимназии и прогимназии. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1887. 130 с.
- 5 Дмитриева Н.А. Послание Чехова. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 368 с.
- 6 Добин Е.С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Сов. писатель, 1981. 432 с.
- 7 Доманский Ю.В. Вариативность драматургии А.П. Чехова. Тверь: Лилия Принт, 2005. 160 с.
- 8 Кондратьева В.В. Предметно-вещный мир в пьесах А.П. Чехова 1890-х – 1900 гг. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Спецвыпуск. С. 96–100.
- 9 Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.
- 10 Косыков М.А. Предметный мир культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. 344 с.
- 11 Кривко Я.П. Особенности обеспечения качества обучения математике в российских женских гимназиях и прогимназиях конца XIX – начала XX вв. // Вестник ТОГИРРО. 2020. № 1 (44). С. 48–49.
- 12 Лишаев С.А. А.П. Чехов: дух, душа и «душечка» (форма и материя по рассказу А.П. Чехова «Душечка») // *Mixtura verborum* 99: онтология, эстетика, культура. Самара: Изд-во Самарской гуманит. акад., 2000. С. 117–143.
- 13 Перцев В.В. Развитие гимназического образования в Орловской губернии с 1874 по 1917 год // Концепт. 2014. № 3 (март). URL: <http://e-koncept.ru/2014/14053.htm> (дата обращения: 12.05.2024)

- 14 *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб.: Изд. Министерства народного просвещения, 1902. 785 с.
- 15 *Смеюха В.В.* Журнал «Женское образование» и образование женщин второй половины XIX в. // Языковые и филологические исследования. 2011. Т. 1, № 1. С. 3–6.
- 16 *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
- 17 *Турбин В.Н.* К феноменологии литературных и риторических жанров в творчестве А.П. Чехова // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск: Мордовский государственный университет, 1973. С. 204–216.
- 18 *Чельишев Б.М.* Мастер художественной детали // Великий художник: А.П. Чехов. 100 лет со дня рождения, 1860–1960: сб. ст. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1959. С. 232–260.
- 19 *Чудаков А.П.* Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Сов. писатель, 1986. 379 с.
- 20 *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 292 с.
- 21 *Чудаков А.П.* Слово-вещь-мир: от Пушкина до Толстого: очерки поэтики русских классиков. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.
- 22 *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 226 с.

Источники

- 23 Все начиналось со слобод // Курский край. Научно-исторический журнал. 2002. № 11 (31) URL: <http://old-kursk.ru/book/zheleznodor/zhel002.html> (дата обращения 10.05.2024)
- 24 Газеты дореволюционной России. 1703–1917. Каталог. СПб.: Изд-во Рос. национальной б-ки, 2007. 592 с.
- 25 Города России в 1904 году/Центральный статистический комитет. СПб.: Тип. Н.Л. Ныркина, 1906. 462 с., таб.
- 26 Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения. 1858–1905. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 139 с.
- 27 Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 год. Курск: Тип. губернского правления, 1883. 132, 73 с.
- 28 Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 год. Воронеж: Тип.-лит. губернского правления, 1886. 475 с.
- 29 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89 т. СПб.: Тип. «Слово», 1904. Т. XX: Курская губерния. 291 с.
- 30 Предметный мир // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 796–798.
- 31 *Родевич М.В.* Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. М.А. Хана, 1884. 238, 88 с.
- 32 *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15. С. 315–318.
- 33 *Тюпа В.И.* Художественность чеховского рассказа: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. 135 с.

- 34 Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова. М.: Макс-Пресс, 2012. 571 с.
- 35 Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. 875 с.
- 36 Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1983. Т. 2: 1881–1884. 576 с. М.: Наука, 1985. Т. 5: 1886. 704 с. М.: Наука, 1986. Т. 10: 1898–1903. 496 с.
- 37 Шайкевич А.Я., Ребецкая Н.А. Словарь языка Чехова: Словарь языка Чехова и проблемы авторской лексикографии. М.: Издат. дом «ЯСК», 2022. 480 с.

2025. Bella L. Shapiro
Moscow, Russia

FROM TEXT TO SUBTEXT.
CLASS AND SOCIAL SUBJECT DETAIL IN A.P. CHEKHOV'S STORY "THE
DARLING" (DUSHECHKA)

Abstract: We know that in Chekhov's writings there are no accidental or unnecessary details existing outside the author's artistic and imaginative world. The high semantic load of subject detail is characteristic of Russian literature of the turn of the 20th century in general, but it is Chekhov's text, saturated with "speaking" details, that is extremely far from formal everyday life description. Particularly characteristic in this aspect are the works of A.P. Chekhov belonging to the late period (1895–1904). The example of one of Chekhov's later stories ("The Darling/Dushechka", 1898) shows how the identification of subtext, expressed in a subject detail, leads to a deeper understanding of the meaning of the artistic text. The author studies the issue in close connection with the cultural-historical process. The main method of research— understanding the concrete through the abstract. This involves a sequential progression from general knowledge to increasingly complete and holistic knowledge in the process of reconstructing an assumed reality. The result obtained is a reconstruction of the subject world of Russian urban provincial culture, the individual manifestations of which (in this case, first of all, its class and social contexts) enter into an extramural dialog in Chekhov's stories, once again demonstrating the multilevel model of Russian culture.

Keywords: Chekhov, Chekhoviana, Research Methods For Cultural Studies, Urban Culture, Bourgeois Culture, Noble Culture, History of Material Culture.

Information about the author: Bella Lvovna Shapiro — DSc in Culturology, PhD in History, Associate Professor, Professor of Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, bld. 6, Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russia; Professor of Department of Philosophy and Social-Humanitarian Sciences, Moscow Art Theatre School (Institute), Chekhov Moscow Art Theatre, Tverskaya St., bld. 6, block 7, 125009 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5616-8898>

E-mail b.shapiro@mail.ru

Received: June 07, 2024

Approved after reviewing: March 31, 2025

Date of publication: September 25, 2025

For citation: Shapiro, B.L. "From Text to Subtext. Class and Social Subject Detail in A.P. Chekhov's Story "The Darling (Dushechka)"." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 20–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-20-32>

References

- 1 Berdnikov, G.P. "O poetike Chekhova i printsipakh ee issledovaniia" ["On Chekhov's Poetics and the Principles of its Study"]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1972, pp. 124–141. (In Russ.)
- 2 Veremenko, V.A. *Deti v dvorianskikh sem'iakh Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Children in Noble Families of Russia (Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century)]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2015. 204 p. (In Russ.)
- 3 Vetchinova, M.N. "Zhenskoe gimnazicheskoe obrazovanie v Kurskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka" ["Women's Gymnasium Education in Kursk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century"]. *Voprosy obrazovaniia*, no. 2, 2014, pp. 222–235. (In Russ.)
- 4 Gorbunov, P.E. *Klassicheskie gimnazii i progimnazii* [Classical Gymnasiums and Progymnasiums]. St. Petersburg, Tipografia V. Bezobrazova Publ., 1887. 130 p. (In Russ.)
- 5 Dmitrieva, N.A. *Poslanie Chekhova* [Chekhov's Message]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2007. 368 p. (In Russ.)
- 6 Dobin, E.S. *Siuzhet i deistvitel'nost'*. *Iskusstvo detali* [Story and Reality. The Art of Detail]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1981. 432 p. (In Russ.)
- 7 Domanskii, Iu.V. *Variativnost' dramaturgii A.P. Chekhova* [Variability of A.P. Chekhov's Dramaturgy]. Tver', Liliia Print Publ., 2005. 160 p. (In Russ.)
- 8 Kondrat'eva, V.V. "Predmetno-veshechnyi mir v p'esakh A.P. Chekhova 1890-kh – 1900-kh gg." ["Object and Material World in A.P. Chekhov's Plays of the 1890s – 1900s"]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova. Gumanitarnye nauki, Spetsvypusk*, 2008, pp. 96–100. (In Russ.)
- 9 Korelin, A.P. *Dvorianstvo v poreformennoi Rossii 1861–1904 gg.: sostav, chislennost', korporativnaia organizatsiia* [The Nobility in Post-reform Russia 1861–1904: Composition, Numbers, Corporate Organization]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 304 p. (In Russ.)
- 10 Kos'kov, M.A. *Predmetnyi mir kul'tury* [The Cultural Object World]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. 344 p. (In Russ.)
- 11 Krivko, Ia.P. "Osobennosti obespecheniia kachestva obucheniia matematike v rossiiskikh zhenskikh gimnaziakh i progimnaziakh kontsa XIX – nachala XX vv." ["Features of Quality Assurance of Mathematics Education in Russian Women's Gymnasiums and Progymnasiums of the late 19th – Early 20th centuries"]. *Vestnik TOGIRRO*, no. 1 (44), 2020, pp. 48–49. (In Russ.)
- 12 Lishaev, S.A. "A.P. Chekhov: dukh, dusha i 'dushechka' (Forma i Materiia po Rasskazu A.P. Chekhova 'Dushechka')" ["A.P. Chekhov: Spirit, Soul and 'Dushechka' (Form and Matter in A.P. Chekhov's Story 'Dushechka')"]. *Mixtura verborum* 99:

- ontologiya, estetika, kul'tura* [*Mixtura Verborum* 99: *Ontology, Aesthetics, Culture*]. Samara, Samara Academy of Humanities Publ., 2000, pp. 117–143. (In Russ.)
- 13 Pertsev, V.V. “Razvitie gimnazicheskogo obrazovaniia v Orlovskoi gubernii s 1874 po 1917 god” [“Development of Gymnasium Education in Orel Province from 1874 to 1917”]. *Kontsept*, no. 3 (March), 2014. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14053.htm> (Accessed 12 May 2024). (In Russ.)
- 14 Rozhdestvenskii, S.V. *Istoricheskii obzor deiatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniia, 1802–1902* [*Historical Review of the Activities of the Ministry of Public Education, 1802–1902*]. St. Petersburg, Izдание Ministerstva narodnogo prosveshcheniia Publ., 1902. 785 p. (In Russ.)
- 15 Smeiukha, V.V. “Zhurnal ‘Zhenskoe obrazovanie’ i obrazovanie zhenshchin vtoroi poloviny XIX v.” [“‘Journal of Women’s Education’ and Women’s Education in the second half of the Nineteenth century”]. *Iazykovye i filologicheskie issledovaniia*, no. 1, vol. 1, 2011, pp. 3–6. (In Russ.)
- 16 Staits, R. *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm i bol'shivizm, 1860–1930* [*The Women’s Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 616 p. (In Russ.)
- 17 Turbin, V.N. “K fenomenologii literaturnykh i ritoricheskikh zhanrov v tvorchestve A.P. Chekhova” [“Toward a Phenomenology of Literary and Rhetorical Genres in the Works of A.P. Chekhov”]. *Problemy poetiki i istorii literatury* [*Issues of Poetics and Literary History*]. Saransk, Mordovia State University Publ., 1973, pp. 204–216. (In Russ.)
- 18 Chelyshev, B.M. “Master khudozhestvennoi detali” [“A Master of Artistic Detail”]. *Velikii khudozhnik: A.P. Chekhov. 100 let so dnia rozhdeniia, 1860–1960: sbornik statei* [*The Great Artist: A.P. Chekhov. 100 Years Since his Birth, 1860–1960: a Collection of Articles*]. Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, pp. 232–260. (In Russ.)
- 19 Chudakov, A.P. *Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [*Chekhov’s World: Emergence and Establishment*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 379 p. (In Russ.)
- 20 Chudakov, A.P. *Poetika Chekhova* [*Chekhov’s Poetics*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 292 p. (In Russ.)
- 21 Chudakov, A.P. *Slovo-veshch'-mir: ot Pushkina do Tolstogo: ocherki poetiki russkikh klassikov* [*Word-Thing-World: from Pushkin to Tolstoy: Essays on the Poetics of the Russian Classics*]. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1992. 320 p. (In Russ.)
- 22 Shepelev, L.E. *Tituly, mundiry, ordena v Rossiiskoi imperii* [*Titles, Uniforms, Orders in the Russian Empire*]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 226 p. (In Russ.)